

Елена К.

**Проклятие усадьбы
Вороновых.**

Елена К.

Проклятие усадьбы Вороновых.

«Автор»

2026

К. Е.

Проклятие усадьбы Вороновых. / Е. К. — «Автор», 2026

Дом на холме пустовал сорок лет — с той ночи, когда из него разом исчезли все. Двенадцать человек, накрытый стол, остывший самовар и ни единого следа борьбы. Местные обходили усадьбу стороной, называя её «Вороньим гнездом», и только старики шептались: Вороновы знали что-то, чего знать не следовало. Когда в посёлок приезжает реставратор Егор, чтобы подготовить дом к сносу, он находит в подвале замурованную комнату. Внутри — зеркала, повёрнутые к стенам, детские рисунки на штукатурке и дневник младшей дочери, обрывающийся на полуслове. Чем дольше Егор читает, тем яснее понимает: усадьба не отпускала своих хозяев. Она их отражала. Каждый видел в зеркале того, кем боялся стать, — и оставался там навсегда. Теперь дом снова открыт. И он ждёт, когда кто-нибудь заглянет в стекло. Готическая история о доме, который помнит больше, чем его жильцы, и о семье, поплатившейся за право не смотреть правде в глаза.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2.	9
Глава 3.	11
Глава 4.	13
Глава 5.	16
Глава 6.	19
Глава 7.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена К.

Проклятие усадьбы Вороновых.

Глава 1

Дорога заканчивалась там, где начинался туман.

Машина остановилась у покосившегося указателя «Вороново», буквы на котором давно слились в серое пятно. Марина вышла первой, вдохнула сырой воздух и тут же пожалела: пахло прелой листвой и чем-то ещё — старым, затхлым, будто из подвала, который не открывали полвека.

— Ну вот, — тихо сказал Игорь, обходя машину. — Дом наш.

Дом стоял на краю деревни, но уже не совсем в ней. За ним начинался лес, а сбоку тянулась полоса болот, по которой весной бежала вода и заливала всё вокруг. Сам дом — крепкий, но угрюмый: потемневшие брёвна, крыша с просевшим углом, крыльцо, будто ссутулившееся от времени.

Дочь, шестнадцатилетняя Лиза, не стала выходить. Она смотрела в окно, прижав лоб к холодному стеклу, будто надеялась, что пейзаж изменится, если смотреть достаточно долго.

— Лиз, ну давай, — позвал Игорь. — Тут не страшно.

Лиза всё-таки вышла, но не сразу. Сначала она медленно опустила стекло, будто проверяя, не станет ли воздух гуще, если его впустить. Потом распахнула дверь, и та отозвалась протяжным скрипом — таким, какой бывает у старых петель, привыкших к тишине.

— Ну вот, — снова сказал Игорь, уже бодрее, словно сам себя подбадривал. — Сейчас разберёмся. Тут просто всё отсырело. Дом стоял пустой, вот и скрипит.

Марина кивнула, но взгляд её скользил не по брёвнам, а по окнам. В одном из них, на втором этаже, мелькнуло что-то — тень или блик, она не поняла. Когда посмотрела снова, там было пусто. Просто тёмное стекло, в котором отражался серый день.

Ключ от дома лежал в жестяной коробке в почтовом ящике — ржавом, перекошенном, с облупившейся краской. Игорь возился с ним, пытаясь повернуть, будто ключ не хотел признавать нового хозяина. Наконец замок щёлкнул, и дверь поддалась, но не до конца — её будто что-то держало изнутри.

— Странно, — пробормотал Игорь. — Вроде никто не запирался.

Внутри пахло пылью и мокрой древесиной. Пол слегка пружинил под ногами, а воздух был неподвижным, как в комнате, которую долго не проветривали. Лиза остановилась на пороге, не решаясь пройти дальше.

— Мам, тут как будто кто-то только что вышел, — прошептала она. — Чувствуешь? Как будто дверь за собой прикрыл.

Марина хотела сказать, что это просто дом «дышит», что старые стены всегда так делают, но слова застряли. Потому что в коридоре, прямо на полу, лежал предмет, которого тут быть не могло.

Это была тряпичная кукла. Старая, потемневшая от времени, с выцветшим платьем и глазами-пуговицами, которые смотрели не вперёд, а чуть вбок — так, будто кукла только что отвернулась.

Игорь поднял её, покрутил в руках.

— Наверное, от прежних хозяев осталась. Или дети в деревне играли и бросили.

— Она не грязная, — тихо сказала Лиза. — Посмотри. Пыль везде, а на ней — ни пылинки. Как будто её только что положили.

В этот момент где-то наверху скрипнула половица. Не так, как скрипит дом от ветра — а чётко, размеренно, будто кто-то сделал шаг. Потом ещё один.

Все трое замерли, подняв головы к потолку. Тишина стала густой, почти осязаемой. И в этой тишине прозвучал тихий, едва уловимый звук — будто кто-то провёл пальцем по стеклу.

Лиза вздрогнула и схватила мать за руку. Пальцы у неё были ледяными.

— Я не хочу тут оставаться, — прошептала она.

Марина сжала её руку в ответ, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо:

— Мы только разберёмся, что к чему. Осмотрим комнаты, распакуем вещи. Если тебе будет совсем не по себе — уедем. Обещаю.

Но когда она подняла глаза к тёмной лестнице, ведущей на второй этаж, ей самой захотелось схватить дочь, выйти за дверь и не оглядываться.

На стене, прямо над лестницей, висела старая фотография в помутневшей рамке. На ней была семья — мужчина в тёмном сюртуке, женщина в длинном платье, двое детей. Лица казались размытыми, будто фотограф не смог их удержать в фокусе. Но одно было ясно: на фото не было улыбки. Все смотрели прямо, напряжённо, будто ждали чего-то, что должно было случиться за кадром.

Лиза подошла ближе, прищурилась.

— Смотри, — прошептала она, указывая на угол снимка. — Там что-то написано.

На пожелтевшей бумаге, сбоку, неровным детским почерком было выведено: «Они не ушли».

Марина медленно перевела взгляд с надписи на дочь, потом на Игоря. Тот стоял, всё ещё держа в руках куклу, и лицо у него было такое, будто он наконец-то понял: этот дом не просто старый. Он чего-то ждал. И, кажется, дождался.

Игорь положил куклу на подоконник — будто так она станет безобиднее, если будет на свету. Но свет в прихожей был какой-то неправильный: серый, будто процеженный сквозь толстое пыльное стекло. Он потёр ладони друг о друга, будто пытался стряхнуть с них липкость этого дома, и криво усмехнулся:

— Ну, ладно. Раз уж мы тут, надо хотя бы окна открыть. А то дышать нечем.

Он шагнул к окну, но не успел дотянуться до шпингалета — половица под ногой вдруг ухнула, как будто не просто скрипнула, а вздохнула. Лиза дёрнулась и прижалась к стене, будто хотела в неё вжаться.

— Пап, не надо, — прошептала она. — Давай сначала просто посмотрим, что тут есть. Без окон.

Марина хотела сказать, что дочка просто перенервничала с дороги, что дом старый, вот и живёт своей жизнью: дышит, стонет, поскрипывает. Но язык будто прилип к нёбу. Потому что она снова заметила это — тень в окне второго этажа. На этот раз не мелькнувшую, а застывшую на секунду, как силуэт в дверном проёме. И тут же пропала.

«Это просто ветка, — сказала она себе. — Просто тень от ветки». Но ветка не могла написать на фото «Они не ушли».

— Давайте осмотрим первый этаж, — голос у неё вышел чуть хриловатым, и она мысленно выругалась за эту дрожь. — Комнаты, кладовку. Потом поднимемся.

Лиза кивнула, но глаза у неё были такие, будто она уже знала: подниматься не стоит.

Они пошли по коридору — медленно, будто ступали по тонкому льду. Пол и правда пружинил, местами доски прогибались, и тогда из-под них поднимался запах сырой земли и старого дерева — густой, тяжёлый, как запах из погреба, где годами хранили картошку.

В первой комнате стояла кровать с продавленным матрасом и железными спинками. На стене висели выцветшие обои с узором из мелких роз, и в одном месте кто-то — или что-то — содрал их до штукатурки. Под обоями виднелись слои: сначала полосатые, потом в горошек,

потом просто серая бумага. Будто дом пытался спрятать свои старые шрамы под новыми нарядами, но они всё равно проступали.

На полу валялся жестяной поднос с вмятиной посередине. Марина подняла его, и металл глухо звякнул. На дне лежала пуговица — большая, костяная, с потёртым узором. Она pokrутила её в пальцах, потом сунула в карман куртки. Просто чтобы было что держать в руке. Что-то настоящее, обычное, из нормальной жизни.

— Тут кто-то жил недавно, — тихо сказал Игорь, проводя пальцем по полке. — Смотри, пыль лежит волнами. Как будто тут тряпкой водили, но плохо. Или торопились.

Лиза не ответила. Она стояла у двери в кладовку и смотрела на ручку, которая была обмотана куском бечёвки. Не завязана узлом, а именно намотана — плотно, виток к витку, будто кто-то хотел её обезвредить, как оголённый провод.

— Не открывай, — вдруг сказала она, не поворачиваясь. — Я не хочу, чтобы оттуда что-то вышло.

Игорь замер, рука зависла в воздухе. Он хотел пошутить, сказать что-то вроде «Да там только банки с вареньем», но шутка застряла где-то в горле. Потому что бечёвка выглядела слишком старательно намотанной, слишком осмысленной.

— Ладно, — наконец кивнул он. — Сначала кухню. Там точно ничего страшного. Кухня — это всегда про чай и бутерброды.

Кухня оказалась маленькой, с низким потолком. Печь стояла в углу — массивная, чёрная, будто её не топили годами. На столе лежала стопка газет, и верхняя была датирована прошлым месяцем. Не десятилетней давности, не пожелтевшая — прошлая неделя. От этого стало ещё страшнее: будто кто-то был здесь совсем недавно и ушёл, не дочитав.

Лиза подошла к раковине и провела пальцем по краю.

— Тут мокро, — сказала она тихо. — Совсем чуть-чуть. Как будто кто-то сполоснул стакан и не вытер.

Марина почувствовала, как по спине пробежал холодок, который не имел никакого отношения к сырости дома.

— Может, это дождь, — неуверенно пробормотал Игорь. — Через крышу натекло.

Но крыша не текла. В комнате было сухо, только пахло сыростью, а не водой.

Вдруг где-то наверху снова скрипнуло — на этот раз громче, отчётливее. Будто кто-то тяжело шагнул, проверяя, выдержит ли пол. Потом раздался тихий звук — не то стон, не то вздох, — и он прокатился по дому, как сквозняк, только без ветра.

Лиза резко обернулась, глаза у неё стали огромными.

— Слышите? — прошептала она. — Он сказал: «Не надо».

Игорь нахмурился, будто пытался поймать этот звук, удержать его в памяти.

— Я ничего не слышал, — сказал он твёрдо, но голос у него дрогнул. — Это дом. Он старый. Он разговаривает.

Марина подошла к дочери и обняла её за плечи. Пальцы у Лизы всё ещё были ледяными.

— Мы сейчас соберём вещи, — тихо сказала Марина, глядя не на дочь, а на Игоря. И в этом взгляде было не столько решение, сколько просьба: «Пожалуйста, согласись. Давай уедем».

Но Игорь вдруг покачал головой. Он подошёл к столу, взял газету, посмотрел на дату, потом поднял глаза — и в них было не столько мужество, сколько упрямое нежелание сдаваться.

— Нет, — сказал он. — Мы не уедем, пока не поймём, что тут происходит. Если тут кто-то живёт — пусть выходит. Если тут что-то случилось — мы должны это узнать. Это наш дом.

И тут, будто в ответ на его слова, в коридоре что-то упало — негромко, но отчётливо. Что-то маленькое, металлическое, покотившееся по полу.

Все трое замерли.

Потом Лиза медленно наклонилась и подняла с пола ключ. Старый, потемневший, с резными зубцами. Она протянула его отцу, но пальцы у неё дрожали, и ключ звякнул, ударившись о её ладонь.

— Он был прямо тут, — прошептала Лиза. — А минуту назад его тут не было.

Игорь взял ключ, повертел в руках. На дужке была выбита цифра — 7.

— От какой-то двери, — пробормотал он. — Наверное, от той кладовки.

Он посмотрел на бечёвку на ручке, потом на ключ. И впервые за весь день в его глазах мелькнуло не упрямство, а настоящий, холодный страх.

Глава 2.

Игорь сжал ключ в кулаке так, что зубцы впились в ладонь. Хотел было сказать: «Ну вот, разгадка — просто старый ключ, наверное, от ящика в кладовке», но слова застряли где-то в горле, потому что Лиза вдруг тихо всхлипнула, не плача даже, а будто задыхаясь от того, как всё это не влезало в обычную жизнь.

— Пап, — прошептала она, и голос у неё дрожал, как у человека, который изо всех сил старается не сорваться на крик. — Он не должен был тут лежать. Я смотрела на пол, когда мы заходили. Там ничего не было.

Марина шагнула к ней, обняла за плечи — и сама вздрогнула, потому что почувствовала, как дочь трясёт мелкой, злой дрожью, будто внутри у неё всё сжалось в тугой узел и никак не может расправиться.

— Ладно, — выдохнула Марина, и в этом «ладно» было не согласие, а попытка собрать себя по кусочкам. — Мы не будем ничего открывать. Сейчас просто соберём самое нужное, выйдем на улицу, подышим. Тут просто... тут просто дом старый, он скрипит, пахнет, вещи падают. Это физика, это дерево и время.

Она говорила это не столько Лизе, сколько себе, и ещё — Игорю, который стоял с этим ключом, как с уликой, и будто боялся его выпустить, потому что, если выпустит, значит, придётся признать: тут происходит что-то, что никакими законами физики не объяснить.

Игорь медленно разжал пальцы. Ключ глухо звякнул, упав на стол поверх той самой газеты с прошлой неделей. Он провёл ладонью по лицу, будто стирая с него упрямое выражение, и вдруг заговорил быстро, сбивчиво, как человек, который пытается удержать контроль над ситуацией, пока она ускользает сквозь пальцы:

— Слушай, ты права. Мы просто устали. Дорога была долгая, туман этот, сырость... Я сам уже слышу шаги там, где их нет. Давай просто возьмём пару вещей, выйдем, попьём воды, посмотрим на небо. Если через час всё ещё будет казаться, что дом на нас смотрит — уедем. Я обещаю.

Лиза кивнула, но глаза у неё были такие, будто она не верила в это «через час», будто знала: дом не отпустит так просто.

Они стали собирать самое необходимое — куртки, бутылку воды, телефон, который тут же показал «нет сети», и это было как щелчок замка, отрезающий их от всего привычного. Марина сунула в карман ту самую костяную пуговицу — не как сувенир, а как якорь, как доказательство, что она всё ещё в реальности, где есть пуговицы, куртки и бутылки с водой.

Пока они двигались по коридору, дом будто прислушивался к ним. Скрипы теперь звучали не хаотично, а как ответы: половица скрипнет — и тишина ждёт, что они сделают дальше. В прихожей, прямо у двери, на пыльном полу вдруг проступили влажные следы — маленькие, будто босые детские ступни, идущие от кладовки к лестнице и снова исчезающие в темноте.

Лиза замерла, увидев их, и Марина почувствовала, как пальцы дочери снова впиваются ей в руку — крепко, до боли.

— Это... это просто конденсат, — пробормотал Игорь, но даже он не смотрел на следы, а смотрел на бечёвку на ручке кладовки, которая теперь казалась не просто верёвкой, а предупреждением. — Тут сыро. На полу оседает влага.

Но следы были чёткими. И они не расплывались.

И тут наверху, прямо над ними, раздался звук, от которого у всех троих кровь будто застыла в жилах. Не скрип. Не шаг. Это был тихий, жалобный плач — короткий, как всхлип, и тут же оборвавшийся, будто кто-то зажал себе рот рукой.

Лиза побледнела так, что на её лице проступили веснушки, которых раньше почти не было видно.

— Они тут, — прошептала она. — Они не ушли. Они всё ещё тут.

Марина хотела обнять её, сказать, что это ветер, что это старый дом стонет, но не смогла. Потому что в этот момент на стене, прямо над их головами, из-под слоя старой краски проступила надпись — свежая, будто её только что вывели мелом: «Не открывай».

Игорь шагнул к стене, протянул руку, будто хотел стереть эти буквы, доказать, что это просто игра света и тени. Но не дотронулся.

— Мы уезжаем, — сказал он вдруг твёрдо, и в его голосе не было ни упрямства, ни бравады — только холодная решимость человека, который понял, что спорить с этим домом бесполезно. — Прямо сейчас.

Он распахнул входную дверь — и на пороге, прямо на крыльце, лежала ещё одна тряпичная кукла. Точно такая же, как та, что осталась на подоконнике. Только эта была повернута лицом к двери — и смотрела прямо на них.

На мгновение все трое замерли, будто время споткнулось и остановилось. Потом Игорь резко схватил Лизу за руку, Марина схватила сумку, и они выбежали наружу, захлопнув за собой дверь так, будто надеялись, что этот звук сможет отрезать их от того, что осталось внутри.

Туман обступил их сразу, как только они сошли с крыльца, — густой, липкий, скрывающий даже очертания дома. Но даже сквозь него они слышали, как внутри что-то тихо щёлкнуло — будто повернулся в замке тот самый ключ с цифрой 7.

Глава 3.

Они выскочили из дома, будто за ними гнался сам воздух — густой, влажный, липкий, как остывший кисель. Туман тут же сомкнулся вокруг, отрезая вид на крыльцо, на дверь, на ту самую куклу, что смотрела им вслед.

— Не оглядывайся, — выдохнул Игорь, хотя сам уже оглядывался — мельком, через плечо, будто надеялся, что всё это сейчас рассыплется: дом, туман, кукла — и окажется просто игрой света, странным сном посреди дороги. Но ничего не рассыпалось. Только туман качнулся, будто вздохнул.

Лиза шла между ними, вцепившись одной рукой в мамину куртку, другой — в отцовскую ладонь. Пальцы у неё были ледяные, но хватка — стальная, как у человека, который боится, что, если отпустит, его утянет обратно.

— Мы к машине, — бормотал Игорь, будто повторял мантру, чтобы удержать себя в реальности. — Садимся, заводим, уезжаем. Тут просто туман, тут просто старый дом. Всё нормально.

Но «нормально» уже не работало. Потому что, когда они наконец вынырнули из молочной пелены к машине, оказалось, что водительская дверь приоткрыта. Совсем чуть-чуть — на палец, не больше. А ведь Игорь точно помнил, как щёлкнул центральным замком, когда они выходили. Он был уверен в этом так же, как в том, что у него две руки и одна дочь.

— Я её закрывал, — сказал он тихо, почти про себя, и в этом тихом голосе было столько растерянности, что Марине стало страшнее, чем от всех скрипов и следов вместе взятых.

Марина хотела сказать: «Может, замок не сработал. Может, ветер». Но ветер не дул. Воздух стоял неподвижно, будто замер вместе с ними.

Лиза вдруг остановилась, не дойдя до машины, и подняла голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего остальные не слышали.

— Там кто-то плачет, — прошептала она. — Прямо внутри.

Игорь шагнул к двери, протянул руку, чтобы распахнуть её пошире, и вдруг замер. На стекле, изнутри, на запотевшем боковом окне, кто-то вывел пальцем неровную надпись: «Не уезжай».

У Марины внутри всё оборвалось. Она хотела схватить Лизу, прижать к себе, закрыть ей глаза, чтобы та не видела этого безумия. Но Лиза уже видела. И не просто видела — она будто узнавала эти буквы.

— Это почерк Кати, — сказала она вдруг, и голос у неё был не испуганный, а какой-то отстранённый, будто она говорила во сне. — Из дневника. Я видела такой же.

Игорь резко дёрнул дверь, она распахнулась с противным скрипом, и из салона пахло не пылью и не сыростью — а холодом. Таким, какой бывает в комнате, где долго не жили, но кто-то только что вышел, оставив приоткрытым окно. На пассажирском сиденье лежала ещё одна кукла. Третья. Точно такая же, как те две.

— Хватит, — вдруг сказала Марина, и в её голосе впервые за весь день не было ни попытки успокоить, ни надежды на рациональное объяснение. В нём была только твёрдость человека, который понял: спорить с этим бесполезно. — Мы не садимся в машину. Мы идём в деревню. К людям. Сейчас же.

Она потянула Лизу за собой, прочь от машины, прочь от дома, который теперь казался не просто старым, а живым — и очень внимательным.

Но Лиза вдруг упёрлась, встала как вкопанная, и посмотрела не на мать, а куда-то в сторону леса, туда, где сквозь туман пробивался слабый, дрожащий свет.

— Мам, — прошептала она, и в её глазах было не упрямство, а ужас, смешанный с узнаванием. — Там кто-то машет. Там девочка. Она зовёт меня.

Марина проследила за её взглядом. И правда — в тумане мелькнуло что-то светлое. Силуэт. Тонкий, хрупкий, будто сотканный из самого тумана. Он качнулся, как будто сделал шаг, и снова замер.

Игорь схватил Марину за руку, пальцы у него были горячие, почти обжигающие, и в этом контрасте — его жар и её холод — было что-то отчаянно настоящее.

— Это просто туман, — прошептал он, но даже он уже не верил в свои слова. — Просто свет отражается. Это не девочка. Это ничего.

Но тут Лиза вырвалась из маминой хватки и сделала шаг вперёд, туда, в туман, туда, к силуэту.

— Катя! — крикнула она вдруг, и этот крик прозвучал как признание, как воспоминание, которого у неё не могло быть. — Я здесь! Я иду!

Марина рванулась за ней, схватила за куртку, потянула назад, и в этот момент где-то совсем близко, прямо за их спинами, щёлкнул замок. Щёлкнул так отчётливо, так буднично, будто кто-то просто закрыл за собой дверь, уходя по своим делам.

Все трое замерли.

И тут туман начал рассеиваться. Не сразу, не плавно — а рывками, будто его кто-то разрывал, открывая куски реальности. И в этих кусках было видно: машина теперь стояла не так, как раньше. Дом — не там. А на тропинке, прямо перед ними, лежала костяная пуговица. Та самая, которую Марина сунула в карман. Только теперь она была не в кармане, а здесь. И рядом с ней — маленький ключ с цифрой 7.

Лиза тихо всхлипнула и прижалась к матери.

— Я не хочу туда, — прошептала она. — Но я должна. Она ждёт.

Марина обняла её, прижала к себе так крепко, что почувствовала, как дрожит дочь, и посмотрела на Игоря. В его глазах была та же растерянность, что и у неё, но поверх неё — упрямое, отчаянное желание защитить.

— Мы никуда не пойдём, — сказал он твёрдо, и голос у него дрожал, но он старался держать его ровно. — Мы стоим здесь. Мы ждём, пока туман уйдёт. И потом — в деревню. К людям.

Но туман не уходил. Он клубился, шевелился, будто был живым, и в его складках снова мелькнул силуэт — теперь ближе. И на этот раз Марина тоже увидела: маленькая девочка в старом платье, с косой, перевязанной выцветшей лентой. Она стояла и смотрела на них. А потом медленно подняла руку и покачала головой: «Не надо».

И в этот момент из дома — из того самого дома, до которого было метров тридцать, не больше — донёсся тихий, жалобный плач. Такой знакомый, такой детский, что у Марины защемило сердце, будто это плакал кто-то из её близких.

Лиза подняла голову, посмотрела на мать, и в её глазах было столько боли и понимания, что Марина вдруг поняла: она не сходит с ума. И Лиза не сходит. Что-то здесь происходит. Что-то очень старое и очень горькое. И оно не отпустит их, пока не скажет то, что должно сказать.

— Ладно, — выдохнула Марина, и её голос прозвучал в тишине как признание поражения. — Ладно. Мы не уйдём, пока не поймём. Но ты, — она посмотрела на Лизу, — не делаешь ни шага без нас. Обещай.

Лиза кивнула, но взгляд её всё ещё был прикован к силуэту в тумане.

— Хорошо, — прошептала она. — Но мы должны её услышать.

Игорь медленно поднял с земли ключ и пуговицу. Повертел их в руках, будто пытался найти в них хоть каплю здравого смысла. Потом сунул в карман и кивнул.

— Тогда идём, — сказал он. — Но вместе. И держимся друг за друга.

Они повернулись к дому. Туман перед ними расступился, будто приглашая. А на крыльце, там, где лежала кукла, теперь стоял кто-то ещё. Не силуэт, не тень — а вполне отчётливая фигура в тёмном пальто. И она смотрела на них.

Глава 4.

Дорога до крыльца теперь казалась длиннее, чем когда они приехали. Будто дом отодвинулся, а туман нарочно растягивал пространство между ними и дверью, заставляя каждый шаг даваться тяжелее, будто ноги увязали в чём-то густом, невидимом.

Лиза шла, не отрывая взгляда от фигуры на крыльце. Та не шевелилась, но казалось, что она чуть наклоняет голову то в одну сторону, то в другую — как птица, которая пытается разглядеть что-то непонятное.

— Это не человек, — вдруг сказала Лиза, и голос у неё звучал странно спокойно, будто она не про страх, а про какую-то очевидную деталь. — У него... у него нет лица. Просто тёмное пятно.

Марина хотела поправить: «Тебе кажется, это тень, это пальто, это туман», но язык не повернулся. Потому что краем глаза она и сама видела — не лицо. Просто провал, как будто свет обходил эту фигуру стороной.

Игорь сжал её руку — крепко, до побелевших костяшек.

— Мы не подходим ближе, — прошептал он, и в этом шёпоте было столько напряжения, что он звучал громче крика. — Мы стоим тут. Смотрим. Если это... если это что-то нехорошее, оно не должно знать, что мы его боимся.

Но тут фигура на крыльце медленно подняла руку. Не угрожающе — скорее устало, как человек, который долго держал что-то тяжёлое и наконец опустил. И в тот же миг из дома донёсся звук, от которого у всех троих подкосились ноги: тихий, ровный стук, будто кто-то мерно постукивал костяшками пальцев по дереву. Тук. Тук-тук. Пауза. Тук.

И тут реальность дала трещину — или, может, наоборот, приоткрыла щель, через которую просочилось прошлое.

Лиза вдруг вздрогнула и отпустила мамину руку. Её глаза на секунду стали пустыми, как у человека, который смотрит не наружу, а глубоко внутрь себя.

— Холодно, — прошептала она чужим, тонким голосом, в котором не было ни её интонаций, ни её возраста. — Они велели мне стоять тихо. Если я буду шуметь, дядя Воронов придёт. Катя сказала, что надо спрятаться за печкой, но там пахнет углём, и мне страшно.

Марина схватила её за плечи, тряхнула — совсем легонько, но резко, чтобы вернуть в настоящее.

— Лиза! Лиза, смотри на меня!

Девочка моргнула, и её собственные глаза вернулись — испуганные, мокрые от слёз.

— Мам... я не знаю, откуда это взялось, — прошептала она, хватая воздух, как после долгого бега. — Я просто... я как будто там была. Как будто это я стояла за печкой.

Игорь выругался сквозь зубы, но тут же осекся, будто испугался, что любой громкий звук может что-то разбудить.

— Нам нужно внутрь, — сказал он вдруг твёрдо, и в его голосе не было уверенности, только отчаяние человека, который понял, что стоять на месте страшнее, чем идти вперёд. — Там есть что-то, что объясняет эти стуки. Дверь, механизм, старый замок... что угодно. Что-то обычное.

Он шагнул вперёд, и тут же из тумана, прямо у него под ногой, выскользнула мокрая половица — будто крыльцо подстроилось под его шаг, чтобы он оступился. Игорь качнулся, но удержался, схватившись за перила. Перила скрипнули — и этот скрип прозвучал как смех.

А потом дом заговорил.

Не словами. Голосами.

Из приоткрытой двери вырвался шёпот — не один, а сразу несколько, сливающихся в неразборчивый гул, как в школьном коридоре перед уроком. И среди этого гула вдруг чётко прозвучало: «Не надо».

Лиза закрыла уши ладонями, но шёпот не стал тише. Он проникал не через уши — он звучал прямо внутри головы, как мысль, которая не твоя, но ты её слышишь.

— Они не хотят, чтобы мы входили, — всхлипнула Лиза. — Но Катя хочет, чтобы я её нашла. Она говорит, что они не могут уйти, пока кто-то не поймёт.

Марина почувствовала, как по спине ползёт холод, который не имеет никакого отношения к сырости. Она посмотрела на Игоря — и увидела, что и у него на лице застыло то же самое выражение: смесь ужаса и упрямого желания держаться за реальность.

— Тогда мы не будем заходить, — сказала Марина, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Мы просто посмотрим. Через порог. Мы ничего не трогаем.

Она сделала шаг, и в этот момент туман перед крыльцом расступился — не сам по себе, а будто его кто-то раздвинул руками. И они увидели: фигура на крыльце исчезла. Но на её месте, прямо на досках, лежала стопка старых фотографий. Мокрых, с загнутыми краями, будто их только что вынули из воды.

Игорь наклонился, чтобы поднять одну, и замер. На фото была та самая девочка — в старом платье, с косой, перевязанной выцветшей лентой. Только теперь она смотрела не в камеру, а прямо на них. И на обороте фотографии, неровным детским почерком, было выведено: «Я здесь. Найди меня».

Рядом с фото лежал маленький жестяной ключик — не тот, с цифрой 7, а совсем другой, тонкий, похожий на ключ от шкатулки.

Лиза тихо застонала.

— Это мой ключ, — прошептала она. — Я помню. Я прятала в нём записки для Кати.

Марина резко обернулась к дочери:

— Ты не могла этого помнить. Ты никогда не была здесь.

Лиза посмотрела на неё огромными, полными ужаса глазами.

— Но я помню, — прошептала она. — Я помню, как прятала записки. Я помню запах печки. Я помню, как Катя плакала, потому что дядя Воронов сказал, что вода всё смое.

В этот момент дом снова вздохнул — и на этот раз это был не скрип. Это был настоящий, человеческий вздох, протяжный и полный боли. И следом за ним из глубины дома донёсся тихий, жалобный плач — такой знакомый, такой детский, что у Марины защемило сердце.

Игорь медленно поднял глаза на дверь. И вдруг сказал тихо, так, будто разговаривал не с женой и дочерью, а с чем-то, что стояло за этой дверью:

— Хорошо. Мы зайдём. Но мы не останемся. Мы просто найдём то, что нужно, и уйдём.

Он протянул руку, взялся за дверную ручку — холодную, липкую от сырости — и повернул. Дверь открылась с протяжным, протестующим скрипом, будто дом не хотел их впускать, но и не мог удержать.

Внутри было темно. И холодно. И пахло не просто сыростью — а старым горем, которое годами копилось в этих стенах.

На полу, прямо у порога, лежал ещё один предмет — маленькая тряпичная кукла. Но теперь у неё не было глаз. Вместо них были две чёрные дыры, будто кто-то специально их стёр.

Лиза тихо всхлипнула.

— Она не хотела, чтобы они смотрели, — прошептала девочка чужим голосом. — Она сказала, что, если они будут смотреть, он их найдёт.

Марина шагнула вперёд, переступила порог — и в тот же миг реальность снова дрогнула.

На секунду дом изменился. Вместо облупившихся стен и пыльного пола она увидела ярко освещённую комнату, полную детей. Они сидели на полу, прижавшись друг к другу, и смотрели

на дверь огромными, испуганными глазами. А в углу, у печки, стояла та самая девочка с косой — Катя — и прижимала к груди точно такую же куклу без глаз.

Потом видение исчезло так же внезапно, как появилось, оставив после себя только запах угля и тихий шёпот: «Спасибо».

Лиза шагнула внутрь, и Марина схватила её за руку — не чтобы удержать, а чтобы не потерять в этом безумии.

— Держи меня, — прошептала Марина. — Держи крепко. И не отпускай.

Игорь вошёл следом, закрыв за собой дверь — не потому, что хотел спрятаться, а потому, что боялся, что что-то войдёт следом за ними.

Они стояли в темноте, прижавшись друг к другу, и слушали, как дом шепчет им свои старые, горькие тайны. И в этом шёпоте уже нельзя было разобрать, где кончается реальность и начинается прошлое — потому что теперь они стали одним целым.

Глава 5.

Темнота внутри дома была не просто отсутствием света — она будто имела вес. Она давила на веки, на плечи, заставляла дышать мелко и часто, будто воздух тут был гуще.

Игорь щёлкнул зажигалкой. Пламя дрогнуло, как живое, и на секунду высветило только их собственные тени — огромные, перекошенные, будто не от людей, а от чего-то сторбленного и чужого. В этом свете Лиза увидела не отца, а силуэт дяди Воронова — высокий, в тёмном сюртуке, с тростью, которая постукивала по полу: тук-тук-тук.

Она зажмурилась, тряхнула головой, прогоняя видение — и когда открыла глаза, тень исчезла. Но стук остался. Он шёл не снаружи, не из соседней комнаты — он шёл изнутри. Прямо у неё в груди, совпадая с ритмом сердца. Или это сердце билось в такт стуку? Она уже не знала.

— Надо найти выключатель, — голос Игоря звучал хрипло, будто он долго кричал и сорвал горло, хотя они почти не разговаривали. — Тут где-то должен быть выключатель.

Он сделал шаг вперёд, и пол под ним не скрипнул — он просто... исчез. На долю секунды нога провалилась в пустоту, а потом снова встала на твёрдое. Лиза вскрикнула, схватила его за рукав.

— Пап! Ты видел?!

Игорь посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, от чего ей стало ещё страшнее: не испуг, а узнавание. Будто он уже видел такое раньше. Или будто это с ним уже случилось.

— Это доски, — сказал он быстро, слишком быстро, как человек, который сам себя уговаривает поверить в объяснение. — Тут гнилые доски. Просто просели.

Но Лиза знала: доски не исчезают. И не появляются снова.

Марина стояла у стены, водя ладонью по обоям. Пальцы скользили по слоям — по розам, по полоскам, по серой бумаге — и вдруг провалились в дыру. Не в щель, не в трещину, а в настоящий проём, будто кусок стены просто растворился под рукой.

Она отдёрнула руку, но поздно: из дыры пахнуло не пылью, а холодом, который пахнет снегом и старыми письмами. И оттуда, из темноты, кто-то тихо позвал: «Марина...»

Она вздрогнула, отшатнулась, прижалась спиной к реальной, твёрдой стене — и почувствовала, как под лопаткой что-то хрустнуло. Не кость, не ткань — будто сама реальность треснула в этом месте.

— Я не слышала, — прошептала она, глядя на Игоря и Лизу, будто умоляя их подтвердить, что ей показалось. — Мне просто послышалось.

Лиза покачала головой.

— Я тоже слышала, — сказала она. — Только не как голос. Как... как будто кто-то подумал моё имя.

В этот момент зажигалка погасла. Пламя съежилось и исчезло, будто его втянули внутрь темноты.

Стало тихо. Так тихо, что слышно было, как в голове пульсирует кровь. И в этой тишине вдруг раздался другой звук — не стук, не шёпот, а смех. Тихий, детский, но без веселья. Смех человека, который знает что-то страшное и теперь не может остановиться.

Лиза закрыла уши, но смех не стал тише. Он звучал не снаружи — он звучал внутри, как воспоминание, которого у неё не было.

— Мы должны найти дверь, — вдруг сказала Марина, и её голос прозвучал твёрдо, как будто она цеплялась за эти слова, как за спасательный круг. — Мы вошли через дверь. Значит, она где-то тут. Мы просто идём прямо, пока не упрёмся.

Они двинулись вперёд, держась друг за друга: Марина впереди, потом Лиза, потом Игорь. Рука Лизы в маминой ладони была горячей, почти обжигающей, а рука Игоря — ледяной, будто он уже наполовину стал частью этого дома.

Пол под ногами менялся. То он был деревянным, то вдруг становился каменным, холодным и скользким, как пол в подвале. Потом снова деревянным — но доски были не старые, а свежие, пахнувшие лаком, как в новом доме. И каждый раз, когда покрытие менялось, в воздухе мелькала короткая вспышка — не света, а картинки:

Вот Лиза стоит у печки, прижимает к себе куклу и шепчет: «Катя, не плачь». Вот Марина идёт по коридору, но это не её походка — она семенит, как маленькая девочка, и на ней старое платье с выцветшими цветами. Вот Игорь стоит у окна и смотрит наружу, но в стекле отражается не его лицо, а лицо мужчины в сюртуке — дяди Воронова.

Эти вспышки длились по секунде, не больше, но оставляли после себя ощущение, будто часть тебя успела прожить чужую жизнь.

Вдруг Лиза остановилась так резко, что Марина чуть не упала.

— Тут лестница, — прошептала Лиза. — Но её не было. Мы шли по ровному полу.

Лестница действительно была — узкая, крутая, уходящая вверх в темноту. На перилах висела бечёвка — та самая, которой была обмотана ручка кладовки. Только теперь бечёвка была не просто намотана — она была завязана в узлы, и каждый узел был затянут так туго, будто кто-то очень старался удержать что-то внизу.

Игорь протянул руку, хотел потрогать бечёвку — и в тот же миг из темноты наверху донёсся звук: тихий, осторожный шаг. Потом ещё один. И ещё. Кто-то спускался. Медленно, будто нащупывая каждую ступеньку.

Лиза вцепилась в мамину руку так сильно, что ногти впились в кожу.

— Не смотри, — прошептала она. — Не смотри наверх. Если согласишься — он тебя увидит.

Марина хотела сказать: «Там никого нет», но слова застряли. Потому что она уже смотрела. И видела.

На верхней площадке, в полосе тусклого света, который непонятно откуда взялся, стояла фигура. Не тёмное пятно, как раньше, а вполне отчётливый силуэт — мужчина в сюртуке. Он стоял неподвижно, и в этой неподвижности было что-то хуже любого движения.

И тут дом снова дрогнул.

Вместо коридора и лестницы они вдруг оказались в большой комнате с высокими окнами. За окнами шёл снег — густой, медленный, засыпающий всё вокруг. В комнате было тепло, пахло пирогами и воском. На полу сидели дети — человек десять, не больше — и смотрели на дверь. А у двери стояла Катя — та самая девочка с косой — и держала в руках куклу без глаз.

— Они ждут, — прошептала Лиза чужим голосом. — Они ждут, когда кто-нибудь поймёт.

Видение исчезло так же внезапно, как появилось, оставив после себя только запах снега и тихий шёпот: «Спасибо».

Когда реальность вернулась, они снова стояли у лестницы. Только теперь на перилах не было бечёвки. А на верхней площадке никого не было.

Зато на полу, прямо у их ног, лежала костяная пуговица. Та самая, которую Марина сунула в карман. Только теперь она была не одна — рядом с ней лежал тонкий ключик от шкатунки и маленькая записка, сложенная вчетверо.

Лиза наклонилась, подняла записку, развернула. На пожелтевшей бумаге неровным детским почерком было выведено: «Не поднимайся. Он ждёт».

Игорь вырвал записку из её руки, скомкал, будто хотел уничтожить эти слова, сделать так, чтобы их никогда не существовало.

— Хватит, — прошептал он, и голос у него дрожал. — Хватит этих игр. Мы сейчас найдём дверь, выйдем на улицу, дойдём до деревни. И пусть кто хочет — пусть идёт за нами. Мы не будем бояться.

Он шагнул вперёд, к тому месту, где, как им казалось, должна была быть входная дверь. Но там была стена. Старая, облупившаяся, с выцветшими обоями в мелкий цветочек.

Марина прижала ладонь к стене — и почувствовала, как под пальцами что-то шевелится. Не штукатурка, не дерево — а будто под стеной что-то дышит.

— Дверь была тут, — прошептала она. — Я помню. Мы вошли через эту дверь.

Лиза посмотрела на неё огромными, полными ужаса глазами.

— Мам, — прошептала она. — Мы не входили. Нас впустили.

И в этот момент дом снова вздохнул. И на этот раз вздох прозвучал как голос — тихий, усталый, женский: «Простите».

Все трое замерли.

А потом где-то совсем близко, за стеной, раздался тихий, ровный стук: тук. Тук-тук. Пауза. Тук.

Как будто кто-то стучал изнутри, просясь наружу. Или прощаясь.

Глава 6.

Стук теперь шёл не из стены — он шёл из пола. Будто кто-то стучал снизу, из подпола, короткими, отчаянными ударами, как будто боялся, что его не услышат. Или как будто отсчитывал последние секунды.

Лиза присела, прижала ладонь к доскам — и тут же отдернула: дерево было горячим, почти обжигающим, будто под ним тлела печь, хотя никакой печи тут не было.

— Он стучит, чтобы мы не забывали, — прошептала она, и голос её звучал не как у шестнадцатилетней девочки, а как у ребёнка, который слишком долго сидел в темноте и выучил наизусть каждый звук. — Он говорит: «Мы тут. Мы не ушли».

Марина хотела обнять её, прижать к себе, закрыть ей уши, чтобы туда не пролез этот чужой шёпот. Но стоило ей протянуть руку — и пальцы прошли сквозь плечо дочери, как сквозь туман. На долю секунды Лиза стала прозрачной, и сквозь неё проступила другая комната: длинная, с рядами железных кроватей, и на каждой — по маленькой фигурке, сжавшейся в комочек.

А потом видение схлопнулось, и Лиза снова стала настоящей — тёплой, живой, дрожащей. Она схватила Марину за руку так крепко, что ногти впились в кожу, и прошептала:

— Мам, я не хочу снова быть там. Я не хочу быть той девочкой.

Игорь стоял у стены и водил по ней ладонью, будто пытался нащупать дверь, которой больше не было. Его пальцы скользили по обоям, по штукатурке, по гладкой краске — по слоям, которые не могли лежать друг на друге в одном доме. И каждый раз, когда он касался нового слоя, перед глазами мелькала короткая картинка: вот он в этом же коридоре, но в другое время — в старом пальто, с фонарём в руке, и лицо у него не его, а чужое, усталое, с тяжёлым взглядом человека, который знает, что ничего уже не исправить.

Он резко отдернул руку, будто обжёгся, и посмотрел на ладонь. На коже темнели тонкие чёрные линии — как трещины, как прожилки, будто дерево въелось в кожу.

— Это грязь, — пробормотал он, вытирая руку о куртку, но линии не стирались. — Просто грязь.

Но Марина видела: это не грязь. Это был узор, похожий на рисунок годовых колец.

В этот момент дом снова дрогнул — не как от ветра, а как от внутреннего толчка, будто что-то внутри него пыталось перевернуться, встать на своё место. Свет вспыхнул — не электрический, а какой-то странный, мутный, будто от керосиновой лампы. И в этом свете они увидели: лестница никуда не вела. Она упиралась в потолок, как будто её построили просто для вида. А рядом с ней, там, где раньше была стена, теперь стояла дверь. Обычная деревянная дверь, с латунной ручкой, потемневшей от времени.

На ручке висел маленький ключ — тот самый, тонкий, от шкатулки. Он покачивался, будто его только что повесили.

Лиза тихо застонала.

— Не надо, — прошептала она. — Катя сказала, что, если мы откроем эту дверь, он нас услышит.

Но Игорь уже шёл к ней. Не потому что хотел, а потому что ноги сами несли его вперёд, будто кто-то тянул за невидимую нитку.

— Мы должны, — сказал он, и в его голосе не было ни уверенности, ни страха — только усталость человека, который понял, что выбора больше нет. — Если там есть выход — мы должны его найти. Если там есть объяснение — мы должны его услышать.

Он протянул руку, взялся за ключ — и в тот же миг из-за двери донёсся звук, от которого у всех троих кровь будто застыла в жилах: тихий, жалобный плач. Такой знакомый, такой детский, что у Марины защемило сердце, будто это плакал кто-то из её близких.

И тут же, поверх плача, прозвучал другой голос — спокойный, взрослый, будто кто-то пытался утихомирить ребёнка: «Тише, тише... сейчас всё будет хорошо».

Лиза закрыла уши ладонями, но голос не стал тише. Он звучал не снаружи — он звучал внутри головы, как воспоминание, которого не могло быть. И в этом воспоминании она вдруг увидела себя — не в этом доме, не в этой одежде, а в длинном платье, с косой, перевязанной выцветшей лентой. Она стояла у этой самой двери и слушала, как за ней шепчутся взрослые. И она знала: они говорят не про неё. Они говорят про то, что должно случиться.

Она открыла глаза — и снова была собой. Но на секунду ей показалось, что платье всё ещё на ней, что лента стягивает волосы, что пальцы пахнут углём и старым деревом.

Марина шагнула к дочери, обняла её, прижала к себе — и почувствовала, как под курткой у Лизы что-то шевелится. Она опустила руку — и нащупала в кармане Лизиной куртки костяную пуговицу. Ту самую, которую она сама сунула в свой карман.

— Откуда... — начала Марина, но Лиза только покачала головой, будто сама не знала.

— Она просто появилась, — прошептала Лиза. — Я не брала её. Она просто была там.

В этот момент ключ в руке Игоря сам собой повернулся будто его повернуло изнутри. Дверь щёлкнула и приоткрылась на палец, не больше. Из щели пахнуло не сыростью и не холодом — а тёплым, густым запахом, как пахнет в доме, где долго топили печь и пекли хлеб. И оттуда, из темноты, донёсся тихий голос — не детский, не взрослый, а какой-то между ними, будто говорил человек, который давно не разговаривал и теперь боялся собственного голоса:

«Вы пришли. Наконец-то вы пришли».

Игорь замер, держась за ручку, и посмотрел на Марину. В его глазах было столько ужаса и облегчения одновременно, что она вдруг поняла: он больше не пытается найти логическое объяснение. Он больше не спорит с этим домом. Он просто хочет, чтобы всё закончилось.

— Кто там? — спросил он тихо, и голос его дрожал. — Кто ты?

Из-за двери не ответили словами. Вместо этого оттуда донёсся тихий, ровный стук: тук. Тук-тук. Пауза. Тук.

Как будто кто-то постучал в ответ.

Лиза вдруг шагнула вперёд и положила ладонь на дверь — не чтобы открыть, а чтобы почувствовать, как она дышит. Дерево под пальцами было тёплым, живым, будто под ним билось чьё-то сердце.

— Это не он, — прошептала она. — Это они. Они стучат, чтобы мы знали, что они тут. Они не хотят нас пугать. Они просто хотят, чтобы их услышали.

Марина посмотрела на дочь — и вдруг увидела в её глазах что-то, чего там раньше не было: не страх, а понимание. Будто Лиза наконец-то поняла, зачем она здесь.

— Тогда мы их услышим, — сказала Марина, и голос у неё звучал твёрдо, будто она давала обещание не только дочери, но и тем, кто стучал из темноты. — Мы их услышим. И мы им поможем.

Игорь медленно опустил руку с ручки. Дверь осталась приоткрытой, будто ждала, что кто-то наберётся смелости заглянуть внутрь.

И в этот момент дом снова вздохнул — и на этот раз вздох прозвучал как шёпот, который слышали все трое: «Спасибо».

Глава 7.

Игорь медленно потянул дверь на себя. Петли не скрипнули — они будто и не были петлями вовсе, а чем-то, что просто позволяло границе между «тут» и «не тут» чуть-чуть приоткрыться.

За дверью не было комнаты. Не было стен, увешанных пыльными фотографиями, не было облупившейся краски и прогнивших половиц. Вместо этого перед ними тянулся длинный коридор — такой прямой, что казалось, он уходит за горизонт, будто дом вывернулся наизнанку и показал им свою истинную длину, которую невозможно измерить шагами.

Пол в коридоре был не деревянным, а каменным — гладкие плиты, отполированные тысячами шагов. Но плиты эти не лежали ровно: они слегка перекашивались под ногами, как палуба корабля в шторм. И пахло здесь не сыростью, а горячим воском и мелом — так пахнет в старой школе в конце длинного дня, когда все уже разошлись, а полы ещё хранят тепло.

Стены коридора были не глухими. В них, как в витринах, стояли застывшие сцены, будто кто-то разрезал время на куски и расставил их вдоль прохода.

В одной «нише» Лиза увидела себя — но не сейчас, а маленькой, лет семи, в том самом платье с выцветшими цветами. Она сидела на подоконнике и смотрела во двор, где по лужам бегали другие дети. Только двор был не деревенским, а городским, дореволюционным: с брусчаткой, чугунными фонарями и высоким забором. Девочка на подоконнике обернулась, посмотрела прямо на Лизу — и улыбнулась так, будто увидела старую подругу. А потом сцена погасла, как перегоревшая лампочка.

В другой «нише» Марина увидела Игоря — не нынешнего, уставшего и растерянного, а молодого, почти мальчика, в гимназической форме. Он стоял у окна и что-то быстро писал карандашом в блокноте, время от времени оглядываясь через плечо, будто боялся, что его застанут за этим занятием. Когда он поднял глаза, Марина ахнула: он смотрел прямо на неё, и в его взгляде было столько узнавания и боли, что ей показалось, будто она знает эту историю наизусть, хотя никогда её не слышала.

А в третьей «нише» Игорь увидел Лизу — взрослую, лет тридцати, в строгом пальто, с папкой в руках. Она стояла перед зданием суда и говорила что-то в микрофон журналистам, а за её спиной реяли флаги. И в этом образе было столько силы и решимости, что Игорь на секунду забыл, что это просто видение.

— Это не воспоминания, — прошептала Лиза, будто читала его мысли. — Это... возможности. Или то, что могло быть. Или то, что ещё будет. Я не знаю. Но они все настоящие. Все сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.